

Майское утро 1945 года. Село Кожелак Партизанского района живет обычной жизнью военного времени. Громко переговариваясь, звенят бидонами доярки. Ватага босоногих мальчишек летит за окопицу за черемшой. Почтальон, переминаясь с ноги на ногу, держит в руках серый конверт, никак не решаясь поступать в ворота и сообщить печальную весть.

Пропал без вести

Восьмилетняя Надя Саленко с подружками играет на пригорке у овоощехранилища. Там в темном, холодном подвале их мамы перебирают картофель. Звонко щебечут лесные птахи. Щебечут и девчушки, радуясь первым теплым дням и ласковому солнцу. И вдруг эту утреннюю идиллию прервал громкий голос из «колокола» на огромной сосне. Встав полукругом, дети внимательно слушают. Победа! Услышав из репродуктора заветное слово, стремглав ворвались они в помещение хранилища и, перебивая друг друга, радостно и звонко закричали: «Победа, победа!» Дрогнули

– Вы бы колхозную скотину в те годы видели! Кожа да кости. Досяки придут на утреннюю, а бедные животные лежат. У них сил не было на ноги подняться от недоедания, кормов не хватало

лица женщин, выскочили они на свет божий и застыли, стараясь не пропустить ни одного слова. А потом... Потом бросились обнимать березы, упали на землю и начали громко и судорожно рыдать.

Надежда Сергеевна Захарова смахивает слезинку. Пршло 75 лет. В мельчайших подробностях она помнит тот день.

– Мы за папкой жили как у Христа за пазухой, – рассказывает Надежда Сергеевна. – Он сапожник был знатный, любую обувь шил на заказ. Кожаные сапоги и туфли без единого гвоздика, только шпильки березовые. Охотник, рыбак – до войны в доме рыба и мясо не переводились.

Мне пяти лет не было, когда все молодые мужчины нашей родни на фронт ушли. Папа Сергей Лазаревич, дядя Илья Саленко, дядя Семен Богоявленко, дядя Петр Михеев. Все они навсегда остались на войне.

Отец пропал без вести. Племянница из Брянской области недавно узнала, что убило его во время вражеского налета у Ладожского озера. Одна воронка осталась. На том месте много солдат наших погибли, памятник там поставили, и фамилия отца на плите выбита.

Катятся слезинки

«Мне не было пяти лет, когда все молодые мужчины нашей родни ушли на фронт...»

Надежда Сергеевна Саленко

Сергей Лазаревич Саленко

Аркадий тоже сгинул. Илью убили, боевые товарищи прислали его вещи: простреленный партбилет, гимнастерку, шинель.

Семен был танкистом, сгорел во время страшного боя, похоронен в Калужской области. Петр погиб в 1942-м. Все молодые, красивые, работающие.

Каким, говорите, я отца запомнила? В тот день прощальный все собрались в нашем

Пришла повестка

В 1942-м сестра Валя пошла в первый класс, и я увязалась за ней. Учительница меня не выгнала, позволила сидеть за партой. Кусочки бересты заменили мне тетрадь. И у настоящих учеников тетрадей не было, писали на отдельных листочках, газетных страницах.

Мама сделала чернила – сажи с молоком сварила, привязала перо к палочке. Вот и все ученические принадлежности той поры.

Школу топили дровами. Мама каждого ученика, ведь папы все на фронте, должна была заготовить определенное количество и сложить их в поленницу в школьном дворе.

– Сижу я в классе на уроке, а за окном снег повалил. В начале октября зима пришла, – вспоминает Надежда Сергеевна. – Загрустила – как же домой пойду, ведь босая. Некоторые вовсе в школу не ходили, одна пара валенок да фуфайка на пятерых. Как-то маме удалось раздобыть литые галоши для нас с сестрой, голяшку она надставила из овечьей шкуры, получились незатейливые сапожки. Правда, от мороза они становились деревянными, и пока мы до школы добегали, ног совсем не чувствовали.

Не спасали даже толстыевязанные носки. Только в третьем классе у меня появились валенки. Комиссовали с фронта односельчанина Ивана Ковалева, он начал катать эту незаменимую зимнюю обувь и обул большинство ребятишек.

В чем ходили? А в чем придется. Мама все полотенца нам на исподнее белье пустила.

Надежда Сергеевна горько вздыхает:

– Село выло не только от похоронок. Сельчан обложили сельхозналогом. Есть во дворе корова – сдай сорок килограммов мяса, семь килограммов масла, молоко, яйца с курицы – и те отдай. В 1942-м налог был увеличен, ввели и новый – военный. Уборочная идет, а на краю поля уже десятки подвод стоят. Все на фронт отправляли. А вы бы колхозную скотину в те годы

видели! Кожа да кости. Досяки придут на утреннюю, а бедные животные лежат. У них сил не было на ноги подняться от недоедания, кормов не хватало. А молоко с тощей буренки взять надо, иначе трудодень не поставят.

Чтобы, не дай бог, не задолжать государству, молодая вдова уходила на месяц в лес за кедровой шишкой. Надежда с сестрой и братом оставались на хозяйстве. Мешки с орехами Марина приносила на себе. Сушила на печи, а потом везла на тележке до самого Уяра, а это больше 60 километров в один конец. В городе орех сдавали, покупали детям необходимые школьные принадлежности, а остальное – в казну.

Маленькая Надя помогала маме как могла. Девочка не боялась никакой работы, рано научилась вязать крючком, вышивать, шить, готовить.

– А что на столе у нас в войну было? Капуста, огурцы соленые да грибы. Картошка мелкая, скороспелка. Варили ее только в мундире. На конопляном масле лук жарили и заправляли блюдо. Казалось, нет на свете еды вкуснее.

Если отруби удавалось достать, мешали их с сушеным крапивой и пекли лепешки. Весной на колхозном поле тяпками мороженую картошку из земли выдалбливали. У нас одна мясорубка на улицу была. По очереди из дома в дом передавали. Крутили корнеплоды и жарили лепешки. Суп из черемши варили, толкли с маслом. Эта травка витаминная спасением от болезней была. Весной по всей деревне дух черемшиной стоял.

Кажется, чувство голода не покидало никогда. Мана, река наша, кормила всех. С подружками соорудим незатейливые сети из платка и палочек, пескари в них попадались

– Если отруби удавалось достать, мешали их с сушеным крапивой и пекли лепешки. Весной на колхозном поле тяпками мороженую картошку из земли выдалбливали

жирнющие. Прямо на берегу в котелке уху готовим. Иногда брат наловит сусликов, сварит суп, всех ребятишек с улицы накормит. Правда, сестра моя Валя есть это блюдо не могла.

В декабре 1944-го пришла повестка Василию Саленко, старшему брату Надежды. До ближайшего военкомата в Партизанске 30 километров. Вася где шел сам, проваливаясь в глубокий снег, где мать везла свою кровиночку на санях, может, не надеясь больше увидеть единственного сына. Василий участвовал в войне с Японией, вернулся в Кожелак только в 1952-м.

В 15 лет Надя устроилась помощником повара на сплав участок. Бригады уходили в апреле, возвращались в ноябре. Три года плавала Надя по Мане, потом уехала в Красноярск, где устроилась на фабрику. Закрутилась жизнь, пролетели как один миг годы. Вот уже и правнучка Катя второй класс заканчивает.

Три часа продолжался наш разговор. От Надежды Сергеевны уходить не хотелось, она прекрасная рассказчица. Слушая ее воспоминания, я словно читала книгу, ярко представляя себе картины сельской жизни тяжелых военных лет, молодых женщин, не сломившихся от горя, но изнуренных непосильной ежедневной работой, ребятишек, до срока повзрослевших, выросших без отцов.

Провожая меня, Надежда Сергеевна сказала:

– Мы – крепкие. Наше поколение войны всему научила. Я все умею. Штукатурить могу, дрова колоть и пилить. Ничего из рук не вывалится.

Татьяна БАДЕНКОВА
Фото Алексея МАТОНИНА
и из архива Надежды ЗАХАРОВЫ